

В. Г. Белинский

Менцель, критик Гёте

Виссарион Григорьевич Белинский

Менцель, критик Гёте

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2785185

Аннотация

Сторонниками немецкого философского идеализма Гёте был объявлен величайшим поэтом современности, певцом «примирения с действительностью». Наоборот, русские противники «индийского покоя» вели борьбу против идеализации Гёте. Белинский защищает Гёте от «маленьких великих людей», ибо «поэт всего менее способен отзываться на современность, которая для него есть начало без середины и конца, явление без полноты и целостности, закрытое туманом страстей, предубеждений и пристрастия партий». На этом основывается его сравнение Гёте с Шиллером, отличающееся крайним порицанием последнего и превознесением олимпийского спокойствия первого.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Виссарион Григорьевич Белинский Менцель, критик Гёте

Главный недостаток критики Менцеля, как мне кажется, состоит в подчинении поэзии и вообще словесности политике или даже понятиям и духу политической партии. Менцель депутат оппозиционной стороны. Этим объясняются его строгие приговоры Иоанну Мюллеру, Гегелю, Гёте и др.; от этого же происходит оппозиционный дух его книги, и пр.

В. К., переводчик книги Менцеля.

Менцель есть собственное имя одного человека, сделавшееся нарицательным, каковы, например, имена Ира, Фирсиса, Креза, Зоила и т. п. Это обстоятельство придает большую и важную значительность Менделю, как представителю целого разряда людей, которые были и до него, есть еще и теперь и, к сожалению, будут всегда. Так, например, какое-нибудь пошлое, ничтожное, пустое лицо делается многозначительным и реальным в художественном произведении, как выражающее собою целую сторону действительной жизни, представляющее своею индивидуальностью целый разряд, целую толпу индивидуумов одной и той же идеи. Это подало нам повод поговорить о Менделе, как о представителе

ле критиков известного рода, не обращая внимания на частности и подробности, относящиеся к его лицу или исключительно к немецкой литературе. Года с полтора назад тому сочинение Менцеля о немецкой литературе явилось в прекрасном русском переводе, с выпуском всего, собственно не относящегося к литературе^{1}. Так как, говоря о Менделе, мы хотим говорить о критике, имея в виду собственно русскую публику, то и возьмем этот перевод за факт, за данную для суждения, чтобы каждый из наших читателей сам мог быть судьей в этом деле. Во всяком случае предлагаемая статья отнюдь не есть разбор книги Менделя, но скорее рассуждение или трактат об отношениях критики вообще к искусству по поводу известного рода критического направления, которого представитель Мендель.

Слава – вещь обольстительная, и к ней один путь. Но многие смешивают *славу* с *известностью*, и с этой точки зрения пути к ней умножаются до бесконечности. По-настоящему слава есть видовое понятие известности, а известность относится к славе, как род к виду. Гомер известен человечеству своим творческим гением, Зоил – ограниченностью и низостью своего духа в деле творчества, Крез – богатством, Ир – бедностью, Парис – красотой, Фирсис – безобразием. Можно сделаться известным всему свету – умом и глупостью, благородством и подлостью, храбростью и трусостью. Чтоб

^{1} Книга Менцеля появилась в переводе в 1839 году.

обессмертить себя в потомстве, великий художник, на диво миру, создал в Эфесе великолепный храм «златолунной» Артемиде; чтоб обессмертить себя в потомстве, Герострат сжег его. И оба достигли своей цели: имена обоих бессмертны, но с тою только разницею, что одно и *известно* и *славно*, а другое только *известно*. Слава есть патент на величие, выдаваемый целым человечеством одному человеку, великим подвигом доказавшему свое величие; *известность* есть внесение имени в полицейский реестр, в котором записываются вседневные события, выходящие из порядка обыкновенности и ежедневности. *Слава* всегда есть награда и счастье; *известность* часто бывает наказанием и бедствием.

К числу известных людей, претендующих на славу, принадлежит немец Мендель. Имя его известно в Германии, Англии, Франции, России, и еще недавно почитался он главою партии, одним из представителей Германии, имел последователей, хвалителей, даже врагов, без которых слава – не слава и известность – не известность. Конечно, теперь этот славный господин Менцель не больше, как жалкий представитель устаревших Мнений, который на их развалинах с ожесточенною дерзостью отстаивает свое эфемерное и мишурное величие, символ эстетического безвкусия, человек, имя которого – литературное порицание, как имя какого-нибудь Зоила, но тем не менее у него все-таки была своя апогея славы. Каким же образом приобрел он эту славу? Видите ли: он издавал журнал, а журнал есть верное средство прославиться

для человека дерзкого, бесстыдного и ловкого. Представься только ему случай захватить в свои руки журнал, – и слава его сделана. Путей и средств много, и они разнообразны до бесконечности; но главное тут – хорошо начертанный план и неукоснительная верность ему во всех действиях, до малейших подробностей. Основую же непременно должна быть *посредственность*, которая всем по плечу, всем нравится, всем льстит и, следовательно, овладевает массами и толпами, возбуждая негодование только в некоторых – не званых, а избранных. Но как этих «избранных» может удовлетворить только сила, основывающаяся на таланте, гении, уме, знании, и как число этих «избранных» так ограничено, что не может принести обильную жатву подписки, – то о них нечего и думать; толпа любит посредственность, и посредственность должна угождать толпе. Для этого *ловкий* журналист должен исключительно выбирать только посредственность. Этого народа много, да он и сговорчив. Мнения журнала, который им хорошо платит и еще лучше их хвалит, всегда будут их кровными и задушевными мнениями – до первой ссоры, которая всегда бывает при первой кости. Смотрите же, не жалейте похвал: надо, чтобы в вашем журнале все участвовали гении да великие таланты – иначе вашего журнала не будут ни уважать, ни покупать. В выборе не затрудняйтесь: чем бесталаннее, тем лучше для вас – лишь бы не был чужд некоторого внешнего смысла, лоска, блеска, которые толпа всегда принимает за гениальность, потому что ей они

по плечу, и она их понимает, — а что для нее понятно, то и велико. Вот идет к вам «поэт», который может вдохновляться на подряд и к каждому номеру журнала, с точностью и аккуратностью, поставить какое вам угодно число элегий, од и даже мистерий; хватайтесь за него обеими руками: это для вас клад, и скорее кричите, что этот «юный гений», произведениями которого «постоянно» украшается ваш журнал, счастливо избрал себе дорогу близехонько, обок дороге, например, какого-нибудь Гёте и совершенно может заменить для *ваших читателей* великого германского поэта, которого *ваши* читатели бранят за «непонятливость». Ежели в творениях *вашего* Гёте часто будет недоставать даже и внешнего смысла, — не беда: поправляйте сами, обглаживайте и сглаживайте; это ремесло нетрудное. Является молодой талантик или юное дарованьице с драмою или другим чем и обращает на себя некоторое внимание публики: захваливайте его в пух, не жалейте чернил и гипербол, кричите: «Я упал на колени перед NN, воскликнул: великий Гёте! великий NN!» Если этот NN вздумает после вздернуть нос, забывши, что он стал великим через вас, и это не беда: напишите притчу, аполог об отогретой за пазухою змее, о «человеке с умом на две страницы», который, для потехи, кинул в форточку окна славу первому прохожему... Будьте уверены, что г. NN снова будет в ваших ежовых рукавицах и сам придет с поклоном: тогда скажите, что вы пошутили или что вы говорили

совсем не о нем, а о другом^[2]. Толпа рассмеется, найдет вас не пошлым, а только забавным; а кто ее забавляет, тому она не скупится платить. Что касается до повестей, не забываяте одного: заказывайте «забавные», такие, которые не всеми читаются явно, о которых не при всех говорится вслух, да велите доставлять себе их рукописи с большими полями и пробелами между строк, чтобы вам было где подбавлять своего «юмора» и своих «забавных» картин: благословясь, черкайте, крестите, вписывайте свое, а главное – не робейте ни от какой плоскости, ни от какой неприличности, помня, что у Поль-де-Кока несравненно больше читателей, чем у Вальтера Скотта. Кстати, чтоб авторитет Вальтера Скотта не помешал успеху ваших «забавных» повестей, объявите, что исторические романы великого британца дурны и пошлы, потому что они – незаконный плод от соединения истории с вымыслом, или выразитесь как-нибудь этак позатейливее и «позабавнее». Если кто-нибудь из ваших абонированных нувелистов будет так смел и дерзок, что осмелится издать все свои повести, помещавшиеся в вашем, журнале в их первобытном виде, без ваших поправок и переделок, и через то лишит их многого «забавного», разругайте их беспощадно; а для тех, которые помнят, что читали их в вашем журнале, скажите, что в нем они были «отлично хороши», хотя написаны и дурно, и что это оттого, что у вас есть волшебная

^[2] Речь снова идет о Кукольнике («молодой талант») и Сенковском («ловкий журналист»).

машина, в которую вы положите дурную повесть, а, повернув ключиком, вынимаете оттуда хорошую, то есть «забавную». Толпа расхохочется, ибо найдет это объяснение «забавным», а следовательно, и вполне удовлетворительным для себя. В вашем журнале непременно должна быть и критика, потому что критику любят и требуют от журнала. Истинная критика требует *мысли*, а толпа любит «забавляться», а не мыслить, и потому, вместо «истинной» критики, создайте «забавную» критику. Для этого объявите, что изящное есть понятие совершенно условное и относительное, а отнюдь не абсолютное (ужаснее слово для *толпы!*), что оно зависит от условий климата, страны, народа, каждого человека, его пищеварения, здоровья и подобных «непредвиденных» обстоятельств. Скажите, что в искусстве хорошо то, что *вам* нравится, и худо то, что *вам* не доставляет удовольствия. Вам заметят: какое же вы имеете право называть превосходным произведением то, что, по условию личности каждого, многим покажется совсем не превосходным, а для иных и совершенно дурным? Отвечайте: я прав, и они правы, у всякого-де барона своя фантазия. Такая критика очень легка и нравится толпе, которая вообще любит все, что вровень с нею и не оскорбляет ее маленького самолюбия своею «непонятливостью». Побольше фраз от себя, и еще больше выписок из будто бы критикуемого вами сочинения, и у вас в один вечер готово десять «забавных» критик, которые понравятся тысячам и оскорбят десятки, тогда как иногда мало десяти

вечеров, чтобы написать «истинную» критику, которая удовлетворит десятки и оскорбит тысячи. Тон «забавной» критики непременно должен быть резкий, наглый, нахальный: иначе толпа не будет вам верить. Когда разбираете книгу автора чужого прихода или человека, которого вы не любите, боитесь или другое что, делайте из его книги выписки таких мест, каких в его книге нет, приписывайте ему такие мнения, которых он и не думал иметь, словом, клеветайте, но только смелее и решительнее: толпа того и слушает, тому и верит, у кого горло широко и замашки наглее. Не забывайте при этом чаще говорить о своей добросовестности, благонамеренности, об уважении к собственной личности, не допускающем вас до неприличных браней и полемики, о своих талантах и других похвальных качествах вашего ума и сердца; о своих соперниках кричите, что они и глупы, и бесталанны, я недобросовестны, а главное, что они завидуют вам, как все посредственные люди завидуют гению. Возьмите девизом своим «смелость города берет» – и будьте уверены, что все карманы сдадутся вашей «смелости».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания